

Ан. ТАРАСЕНКОВ

НЕДОСТАТКИ ЦЕННОГО ИЗДАНИЯ

Творчество одного из выдающихся советских писателей — Алексея Николаевича Толстого — начало складываться и развиваться еще в предреволюционные годы. Испытав в начале своего литературного пути некоторое сравнительно слабое и кратковременное влияние поэтического декадентства, А. Н. Толстой инстинктом большого и честного художника потянулся к подлинно живым и животворящим традициям русского критического реализма. Его заслуга заключается в том, что, испытав на своем пути большие и сложные идейные противоречия, он после революции не только перешел на позиции пролетариата. Под идейным руководством Коммунистической партии, под влиянием своего старшего друга и собрата Горького А. Н. Толстой в своих зрелых произведениях стал одним из классиков социалистического реализма.

Недавно Государственное издательство художественной литературы выпуском последнего, 15-го тома завершило издание полного собрания сочинений писателя. Читателю полюбились нарядные, хорошо и со вкусом изданные книги А. Н. Толстого, отпечатанные на хорошей бумаге, снабженные любовно отобранными портретами и фотографиями писателя в разные моменты его жизни и творчества. По своему внешнему виду — это одно из наиболее удачных собраний сочинений, выходящих за последние годы. Незаурядны и его текстологические достоинства. Впервые перед читателем с небывалой до того полнотой представало многогранное и многообразное творчество выдающегося мастера слова, замечательного художника и публициста, прозаика, поэта, драматурга и критика наших дней.

Собрание сочинений А. Н. Толстого осуществлено под редакцией А. Мясникова, А. Тихонова и Л. Толстой (издательским редактором подавляющего большинства томов — тринадцати из пятнадцати — является Д. Юферев).

У данного собрания есть свои неоспоримые достоинства. Главное из них — это

то, что впервые читатель получил научно проверенные, с большим вниманием и любовью подготовленные к печати тексты многих произведений А. Н. Толстого, как больших, так и скромных по объему. Немалая заслуга падает и на долю авторов литературоведческого аппарата. Содержательна вступительная статья В. Шербины, в основном верно характеризующая идейный путь А. Н. Толстого, хотя и в недостаточной мере анализирующая особенности его неповторимого мастерства. Тщательно и в большинстве случаев авторитетно прослежена комментаторами история текста ряда произведений А. Н. Толстого. Сжато, но толково объяснены исторические обстоятельства возникновения того или иного произведения писателя. Особенно нужно отметить исторически компетентный комментарий А. Алпатова к роману «Петр I» и комментарий С. Дурьиной к ряду пьес, раскрывающий их творческую историю на сцене. Комментарий И. Векслера и И. Сермана к «Хожению по мукам» в основном верно отражает ту исключительно сложную идейную перестройку, которая произошла в сознании А. Н. Толстого в процессе его работы над этим романом.

Менее удачны комментарии К. Муратовой к томам 5 и 6 (повести и рассказы 1925—1930 гг.), носящие сухой, академический характер и мало чем обогащающие читателя.

Здесь следует хотя бы вкратце остановиться на вопросе о характере историко-литературных комментариев к собранию сочинений массового назначения (разбираемое собрание сочинений А. Н. Толстого издано в 40.000 экземплярах и по праву может быть названо массовым). В самом деле, когда, например, А. Алпатов в своем комментарии к роману «Петр I» (том 9) рассказывает о том, как писатель творчески переосмысливал отдельные документы, положенные им в основу тех или иных сюжетных коллизий, когда он показывает, как, например, из трех писем к Ромодановскому и Виниусу А. Н. Толстой созда-

ет еще одно письмо царя, вошедшее в текст романа, — это интересно и поучительно. Чрезвычайно важны те высказывания А. Н. Толстого о работе над языком романа «Петр I», которые комментатор извлек из неопубликованных бумаг писателя. Существенен и перечень книг, использованных романистом в работе над «Петром I». Комментарий А. Алпатова — творческий комментарий, и потому он помогает читателю разобраться в произведении А. Н. Толстого, обогащает его.

А что может дать комментарий к «Гиперболоиду инженера Гарина» (том 5)? Автор комментария К. Муратова сообщает:

«...Роман вошел в десятый том Собрания сочинений А. Толстого. М.—Л. 1927. Для этого издания журнальный текст подвергался стилистической правке и переработке отдельных глав...».

Разной в характере комментариев к отдельным томам показывает, что у редакции собрания сочинений в самом начале отсутствовал четко продуманный замысел. Установки, на основе которых вели свою работу комментаторы, лишены единого плана, единой системы. В еще большей степени это сказалось на порядке выхода томов. Все издание растянулось на восемь лет. Срок это большой, даже неоправданно большой. Как ни серьезна была работа над текстами, требовавшими первичной, самой трудоемкой проверки, ее можно и должно было уложить в более сжатые сроки. Но еще большее возражение, нежели темп издания, вызывает разноречие в выходе томов. Не свидетельствует ли это о бессистемности в работе издательства?

Такой вывод подтверждает и крайне разнообразный объем выпущенных томов. Так, например, тома 10 и 11 выпущены объемом в 710 и 798 страниц. Это голые, увесистые «кирпичи». Между тем том 12 составляет всего лишь 371 страницу, том 14—430 страниц, том 15 — 394 страницы. Такое колебание в объеме томов могло бы быть оправдано только в том случае, если бы в них были включены крупные законченные вещи. Но как раз все названные мною тома состоят из большого количества сравнительно небольших по объему произведений: в тома 10 и 11 входят 23 законченные пьесы и один спектакль, в 14-й — множество мелких заметок.

То, что у издательства, выпускавшего собрание сочинений А. Н. Толстого, не было в начале работы единого, выверенного и продуманного плана, явствует и из

некоторых других обстоятельств. Мы уже упоминали о том, что пьесы А. Н. Толстого составили два отдельных тома. Соблюдая внутри этих томов хронологическую последовательность, редакция положила в их основу жанровый признак. Против этого трудно возражать. Да, пьесы действительно целесообразно было издать вместе, одну за другой, некоей «компактной» массой. Можно согласиться и с той градацией, которая намечена внутри этих двух однородных по жанру томов, — сначала идут пьесы, которые многократно переиздавались самим автором, вещи, так сказать, первого творческого плана, затем следуют менее значительные пьесы, не входившие в прежние собрания сочинений и авторские сборники, потом идут пьесы на заимствованные темы и, наконец, пьесы, написанные А. Н. Толстым в соавторстве с другими лицами. Но почему-то, в общем выдержав этот верный принцип, редакция сочла нужным вполне законченную самим автором и шедшую в таком виде на сцену пьесу «Чортков мост» поместить в последнем, 15-м томе на правах «неопубликованной»? Почему одноактная пьеса «Фюрер», переделанная А. Н. Толстым из «Чорткова моста» в дни войны, вошла в состав пьес тома 11, а «Чортков мост» — в 15-й? Оснований для такого распределения материала нет.

Еще более странно, что, найдя возможным осуществить жанровый принцип объединения материала для пьес, редакция не сочла его уместным для сказок. Как известно, А. Н. Толстой обращался к фольклору и в начале и в зрелую пору своей литературной деятельности. В 1908—1909 годах А. Н. Толстой создал «Сорочьи сказки» (впоследствии из них был выделен цикл «Русалочьих сказок»). Этот цикл опубликован в томе 1 собрания сочинений. Сказки и рассказы для детей, создававшиеся Толстым в разные годы, включены в том 12. Там же читатель найдет и творческие переработки русских народных сказок, предпринятые А. Н. Толстым в конце 30-х годов (кстати, ни в тексте, ни в комментариях эта работа А. Н. Толстого не датирована, что является непростительным упущением). Чем объяснить такое распределение материала? Ведь в извещении от редакции, опубликованном в томе 1 собрания сочинений, прямо говорится:

«Весь материал этого собрания сочинений сгруппирован по признакам литературных жанров... В пределах каждого

жанра материал печатается в хронологическом порядке. Исключением являются лишь крупные произведения, составляющие отдельные тома, и серия рассказов «Под старыми липами».

Наконец, наиболее разительным примером неорганизованности является история с публикацией незавершенного романа «Егор Абовов», над которым автор работал в 1915 году.

Это — крупное произведение, представляющее незаурядный интерес. В романе замечательный писатель-реалист изобразил дореволюционную петербургскую интеллигенцию, ее духовно разложившихся художников, литераторов и их непосредственных хозяев — спекулянта-эстета Абрама Семеновича Гнилоедова, некоего князя, посещающего выставки журнала «Далос», великосветскую «львицу» Салтанову и других персонажей, так ярко воплощающих пороки своего класса и своей эпохи. А. Н. Толстой достиг незаурядной сатирической силы в обрисовке внутреннего мира деятелей дореволюционного буржуазного декаданса, их низменных вкусов, их развращенной психологии. Публикация «Егора Абовова» представляет большой общественный интерес. Однако в этой задаче редакция отнеслась без должного внимания. Публикация «Егора Абовова» зачем-то разбросана по ряду томов.

Подобные досадные промахи снижают авторитет издания.

Не всегда понятен и тот отбор материала, который редакция позволяет себе в собрании сочинений, названном полным. Почему, например, из цикла стихов «За синими реками» без всяких оговорок выброшен ряд вещей? В одной из них (стихотворение «Суд») А. Н. Толстой полностью прорывает с эстетикой символизма. Он дает здесь яркий, хотя и субъективный по своей трактовке образ Степана Разина:

Лишь тогда, как истари, от
Москвы Престольной
До степного Яика грянет мой ясак —
Поднимусь я, стариче, вольный,
иль невольный
И пойду по водам я — матерой казак.

Исключение этого, да и некоторых других стихотворений из полного собрания сочинений А. Н. Толстого произвольно и не вызывается никакой необходимостью, это только способствует обеднению представления о писателе и его пути.

Неполно представлены в собрании сочинений литературно-критические статьи А. Н. Толстого.

Как можно было, например, не включить в собрание сочинений большую теоретическую работу А. Н. Толстого «Четверть века советской литературы», опубликованную в № 1—2 Вестника Академии наук за 1943 год? Общеизвестно, что в этой работе есть спорные положения (о Маяковском и др.). Но разве это повод для забвения крайне важного и содержательного литературного документа?

При публикации литературного наследия крупных художников слова надо раз навсегда отказаться от стремления обойти острые углы, противоречия, от стремления публиковать только те из их произведений, которые являются бесспорными.

А уж если вставить на путь избирательности в полном собрании сочинений, то в применении к данному автору скорее можно было опустить иные из трехстепенных литературных произведений мастера, например, такие, как «Необычайные приключения на волжском пароходе», являющиеся заурядной приключенческой беллетристической, или «Счастье Аверьяна Мышина», написанное в порядке агитации за вытрезительные лотерейные билеты.

Не обязательно было публиковать и некоторые газетные приветствия А. Н. Толстого (том 13). Здесь погоня за полнотой материала зачастую ведет лишь к ненужной академической перегрузке, к разбуханию томов.

Литературные взгляды писателя должны быть отражены в собрании сочинений с подлинной полнотой. Читателю интересны и противоречия в этих взглядах и даже иные из поучительных творческих ошибок А. Н. Толстого. Напрасно редакция столь «осторожно» подошла к отбору литературно-дискуссионных материалов из наследия замечательного советского писателя. Стремление представить путь формирования идейно-эстетических взглядов А. Н. Толстого как путь «бесконфликтный» — неверное, порочное стремление.

Серьезны достоинства, но серьезны, как видим, и недостатки собрания сочинений А. Н. Толстого, осуществленного Гослитиздатом. Их надо учесть во всей дальнейшей работе по выпуску сочинений выдающихся мастеров слова — русских классиков, советских писателей и поэтов.